

Ситуацию в латвийской политике, актуальные политические приоритеты и пристрастия оценивает профессиональный психотерапевт

фото: Антис МЕРВИЛЬША

Накануне выборов всегда обостряется вопрос: почему мы голосуем так, как голосуем? Почему всего через пару месяцев после избрания нового парламента мы уже, как правило, недовольны депутатами, за которых охотно отдавали свои голоса? И в конце концов — почему мы оказались там, где оказались? Как различные аспекты и нюансы политической жизни объясняет не политолог, а специалист в области человеческих душ?

На вопросы отвечает психотерапевт Виестурс Рудзитис.

Ина ОШКАЯ

«В нашей драме жертва получает огромную власть!»

Без вины виноватые

— В этом году мы отметили 20-летие со дня восстановления независимости Латвии. Это событие проходило на фоне тотального политического кризиса. Как мы оказались в такой ситуации?

— С точки зрения политической ответственности, мы, латыши, все еще остаемся очень молодой нацией. Что, с одной стороны, например, отличает нас от русских. Но с другой — латыши в чем-то и очень близки с русскими, потому что мы вместе убили «отца» — то Российское государство, которое существовало до 1917 года. То, что осталось после этого — со всеми ужасами, о которых мы хорошо знаем! — политически было очень неопытным формированием.

Создается очень интересный феномен. Люди смотрят друг на друга как в зеркало: один, глядя на другого, думает: «Не я выбрал этих политиков, ты их выбрал!» Но и второй уверен, что это не он...

— Существующие между латышами и русскими отличия на психологическом уровне программируют разногласия?

— Немецкий священник и психотерапевт Берт Хеллинггер высказал очень интересное мнение о том, что происходит между разными группами или народами. Он акцентировал мысль, что у каждого народа есть общая совесть, и если представитель народа делает что-то противоречащее общей совести, это вызывает очень резкую реакцию. Человек начинает чувствовать себя виноватым. Но каждый хочет быть невинным. И возникает парадокс: все самые большие преступления были совершены потому, что люди хотели быть невинными.

Если ты следуешь ценностям, которые в прошлом были сформулированы твоим народом или твоей группой, то на каком-то этапе неизбежна ситуация, когда встречаются представители двух разных народов или групп. И возникает конфликт, в котором каждый хочет быть невинным. А остальные невинным, значит «убить» другого, победить его, превзойти на всех уровнях или не замечать его, делать вид, что его нет.

В свою очередь желание понять другого, разобраться, почему он ведет себя так, как ведет, воспринимается как предательство своих. Но никто не хочет чувствовать себя предателем. Очень важно понять, что иногда из-за желания быть невинными мы совершаем просто свинские поступки.

О «палачах» и «жертвах»

— Скажите, стремление все время обращаться к трагическим страницам истории тоже существует на психологическом уровне?

— Это очень характерно для латышей. Во-первых, не видят,

что и русские пострадали от Сталина. Или во всяком случае полагать, что латыши, безусловно, пострадали больше. А во-вторых, считать, что русские ответственны за Сталина. А латыши — нет, как будто красные латышские стрелки ни в чем в России не участвовали. Ведь Сталин — не латыш, это очевидно.

— А почему желание акцентировать трагические события истории характерно не только для старшего поколения, но и для поколений, которые сами ничего такого не переживали?

— Этот феномен, о котором я говорил. Я латыш, я говорю с вами об этом и чувствую себя неудобно — как будто я ухожу от

тве нужен палач, чтобы было кого ругать и обвинять за все. Исходя из этого русские очень важны для латышей-жертв, чтобы использовать их в той или иной роли.

— То есть роль жертвы — это своего рода психотерапия?

— Да, неосознанная. Если треугольник драмы или роль жертвы используется как инструмент лечения, то человек для того, чтобы пережить травму, уходит в нереальный мир. Но при этом он должен учиться понимать разницу между объективной реальностью и его внутренней реальностью.

Но треугольник драмы может использоваться как идеология, и кто-то на этом живет. Именно на стремлении жертвы получить

ны, это самообман — также как и в случае с красными стрелками.

Те, кто 9 Мая приходит к памятнику Освободителям в Риге, не отмечают оккупацию Латвии, они празднуют то, что они выжили и победили в войне. И говорить им — вы плохие, неправильно, бесчеловечно и неадекватно. К тому же, это не соответствует психологической справедливости. Те, кто туда приходит, не ощущают себя оккупантами.

— Это такой русский Праздник песни...

— Можно сказать и так. Придет время, и латыши выразят свое уважение к 9 Мая как фактору самосознания русских. Это мост, пройдя по которому, можно прийти к взаимопониманию.

— А почему для латышей так важен Праздник песни? И все то, что связано с фольклором и народными традициями?

— Потому что надо подтверждать, что мы есть! Для народа, численность которого больше миллиона и рядом с которым живут более многочисленные народы, это довольно естественно.

— Но в мире есть и другие малочисленные народы, например, наши соседи скандинавы...

— У скандинавов здоровое самосознание. Шведы уже в течение многих столетий не воевали на своей территории. А те войны, которые они вели за пределами страны, были для них очень успешными. Психика шведов как нации не разбита. И США никогда не воевали на своей территории. А если война идет на территории своей страны, то даже поражение в этой войне не приводит к таким страшным последствиям, как та война, которая прокатилась через тебя.

Коллективное сознание латышей очень сильно ранено. Это следствие исторических событий — какие мы есть, такие есть...

— А хоровое пение помогает осознать себя?

— Праздник песни свидетельствует о желании латышей находиться в толпе. Когда я недавно об этом сказал, многие восприняли мои слова в штыки — как что-то негативное. Но я хочу сказать только то, что это потребность людей, и если люди могут ее реализовать не в ущерб другим, пусть реализовывают. Хорошо, если есть хор, в котором можно петь.

Но ведь существуют и другие формы коллективизма. Например, партии или общественные организации. Но в Латвии гражданская активность в этих сферах по-прежнему остается очень низкой. Почему?

— Потому что мы все очень боимся индивидуальной ответственности. Это инерция, связанная еще со временем советской культуры. Как тогда не было внутренней оппозиции, так ее нет и сейчас.

Посмотрите на любую из наших партий: как только в ее рядах появляются признаки внутренней оппозиции, «виновных» сразу же ис-

ДОСЬЕ

Виестурс Рудзитис. Родился в 1960 году в Валмиере. С 1978 по 1984 год учился в Рижском медицинском институте. Изучал психодраму, социометрию и групповую психотерапию в Институте Морено в Норчеллинге, системную семейную терапию — в Университете Оснабрюка.

Один из создателей и руководителей Института Морено в Латвии. С 1984 по 1987 год работал заведующим терапевтическим отделением и главным врачом Элейской зональной больницы Елгавского района, позже был главным врачом Страупской республиканской наркологической больницы. В настоящее время занимается частной практикой.

Виестурс Рудзитис — автор многих публикаций и трех книг: «Дочь палача и ее отец» (два издания — 2002 и 2004), «Танцы на подоконнике при открытом окне» (2004), «К отцу» (2008). Последняя книга вышла и на русском языке — www.viestursrudzitis.lv

ключают. Это трагично. Где есть внутренняя оппозиция, там есть будущее, новые идеи, дискуссии, борьба. Но в людях слишком силен страх перед оппозицией. И если я сам чувствую, что мое мнение может кому-то не понравиться, если я чувствую, что могу стать оппозиционером, я лучше помолчу...

И такое отношение существует не только на идеологическом уровне. Оно существует на каком-то уровне грудного ребенка. Я мог бы сравнить это со знаменитым вопросом «Ты меня уважаешь?» Это очень важный и очень болезненный вопрос после некоторой дозы спиртного. Если ответить не так, значит, ты — мой оппонент...

Отцы и дети

— Как вы объясняете неизменно высокую популярность такого латвийского политика, как Карлис Улманис?

— Значение имеет то, что Улманис пришел к власти, когда в мире закончился экономический кризис — ему повезло. Ситуация в Латвии начала улучшаться, и люди связывали эти позитивные перемены именно с Улманисом. Но были сферы, в которых он действительно был хорош. Улманис ездил на село, говорил с людьми, гордился их успехами. Он делал то, что сегодня наши политики не делают. Для них Латвия — это Рига, а то, что происходит за границами Риги, для них неинтересно. Хотя должно быть наоборот — в Риге все хорошо, а попробуй уехать от нее на сто километров и спросить, как люди живут. Улманис это делал, в этом он видел свою ответственность, а не выгоду.

Есть еще одна важная вещь. Сегодня латвийские партии — это партии социалистического типа. И «Единство», и «Центр согласия», и ТБ/ДННЛ — это социалисты. Я называю их «материнские», или «матриархальные» партии, они борются за материнскую власть. Главные фигуры здесь — мать и сын, сын не может уйти от матери, потому что это предательство. Отец при таком раскладе вообще не нужен, он только вмешивается куда не надо.

И есть союз зеленых и крестьян и объединение «За лучшую Латвию!». В моем понимании это «отцовские» партии. Они вносят в политику новое — свергают мать, «крадут» у нее власть и концентрируют ее. И если в «материнских» партиях действуют маленькие «мамы» и маленькие «сыновья», то когда мы видим Андриша Шкеле или Айварса Лембергера, понимаем — это настоящие отцы.

— Ваш прогноз итогов выборов Сейма?

— Думаю, что существенно ничего не изменится, процент сюда, процент туда, и все... По сути у нас идет борьба между блоком «материнских» и «отцовских» партий. Все ждут Сына, представляя его как Улманиса, который еще не вырос. В этом есть и сильный религиозный аспект: пока сын не отделился от матери и не

пришел, все кажется надоедливым и скучным.

Хотя обычно акцентируют именно национальный аспект. Но это просто демагогия, чтобы пугать латышей социализмом, который якобы исходит от русских.

— Политики приходят к вам на консультацию?

— Нет.

— У них все в порядке?

— Нет, у них не все в порядке.

Они выбрали для себя политику как психотерапию. Они думают, что здоровы, но идут в политику лечиться.

— Политика — это психотерапия для всех ее действующих лиц?

— Нет, конечно. Симптомом молодой политической среды является то, что среди политиков очень много психопатов, которые не понимают разницы между тем, что они чувствуют, и тем, что происходит на самом деле. Логика примерно такая: если я зол, значит, ты негодяй... Психопаты обычно всегда лезут на сцену.

Профессиональный политик представляет эмоциональные потребности какой-то части общества. Политика для профессионального политического деятеля является его работой, а не единственным смыслом всей его жизни. Он просто работает в политике как специалист, имеющий соответствующую квалификацию. Политики такого типа характерны для зрелой политики, у нас их пока немного.

— Остальные трудятся по призванию?

— Да, по призванию и — по совести — чтобы лечиться. Тут уж ничего не поделаешь...

«Если я жертва, если я страдал, то я оказываюсь в центре внимания. И именно я становлюсь тем, кто получает право определять, кто является хорошим, а кто — плохим. И если я скажу: «Вы оккупант, вы виноваты в том, что я страдаю», вы почувствуете мою огромную власть и будете вынуждены на это как-то реагировать, потому что не слышать это невозможно.»